

Анетта Багаева (Москва)

Между сказкой и балладой: истоки жанровых метаморфоз «Трояна и Ангелицы» А. Ф. Вельтмана в болгарском переводе

Anetta Bagaeva (Moscow)

**Between Fairy Tale and Ballad:
the Origins of the Genre Metamorphosis
of A. F. Veltman's "Trojan and Angelica"
in the Bulgarian Translation**

Резюме. При сопоставлении оценок русских критиков о «Трояне и Ангелице» А. Ф. Вельтмана выявляется проблема амбивалентности жанра произведения и вопрос о его фольклорных источниках. Анализ двух черновики Вельтмана и состава его библиотеки позволяет подтвердить гипотезу Н. В. Кукольника и Ю. Д. Беляевой о сербских источниках сказки и выявить их близость с болгарским фольклором, а также проследить, как замысел постепенно сдвигался от жанра сказки в сторону баллады, от прозы к поэзии. В итоге Вельтман приходит к синтезу сказочных и балладных черт, а сербский колорит значительно смягчается. Двойственная структура сказки по-новому преломилась в болгарском переводе С. Изворского. Поскольку в журнале «Български книжици» было напечатано только начало сказки, то ее экспозиция приобрела самостоятельное значение и выдвинулась на первый план по сравнению с сюжетной линией Трояна и Ангелицы. Сказка свернулась до баллады с нравоучительной концовкой. Причем болгарскому переводчику удалось достаточно точно воспроизвести ритм и метрику оригинала. Это стало интересным опытом переноса сербской народной поэтической традиции на русскую и болгарскую почву.

Ключевые слова. Вельтман, Троян и Ангелица, Изворский, славянский фольклор, сказка, баллада, черновики, перевод, стих, романтизм.

Abstract. The comparison of critical judgements about A. F. Veltman's "Trojan and Angelica" reveals the problem of genre ambivalence and the question of its folklore sources. Analysis of two Veltman's drafts and the content of his library allows one to verify the hypothesis of N. V. Kukolnik and Yu. D. Belyaeva about Serbian sources of this fairy tale and to identify their proximity to Bulgarian folklore, as well as to trace how the idea gradually shifted from the genre of fairy tale to the ballad, from prose to poetry. As a result, Veltman comes to a synthesis of fairy tale and ballad traits, and the Serbian flavor softens considerably. The dual structure of the fairy tale was interpreted in a new way in S. Izvorsky's Bulgarian translation. Since only the beginning of the tale was printed in the magazine "Bulgarski knizici", its exposition acquired an independent meaning and came to the fore in comparison with the plot line of Trojan and Angelica. The fairy tale is reduced to the ballad with a moral ending. At the same time, the Bulgarian translator managed to reproduce the rhythm and metric of the original quite accurately. It was an interesting experience of transferring the Serbian folk poetic tradition into Russian and Bulgarian ground.

Keywords. Veltman, Trojan and Angelica, Izvorsky, Slavic folklore, fairy tale, ballad, drafts, translation, verse, Romanticism.

Литературная репутация стихотворной повести А. Ф. Вельтмана «Троян и Ангелица», выпущенной отдельным изданием в 1846 г., была неоднозначной. В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» лишь вскользь заметил следующее: «<...> *Троян и Ангелица* (курсив авторский. — А. Б.) г. Вельтмана — что-то в роде детской сказки не то в стихах, не то в мерной прозе <...>» [Белинский 1847: 29].

Перенос произведения Вельтмана в разряд детской литературы свидетельствовал о нежелании критика, в той же статье провозгласившего первенство прозы над поэзией, заниматься более подробным разбором «сказки», вызвавшей у него колебания относительно жанра и формы. И хотя в 1840-е гг. происходила см на эсте-

библиотеки, составленной в январе 1870 г., за № 151 действительно можно увидеть указанное издание «Сербского словаря» [см.: НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. III. П. 20. Ед. хр. 40: 151]. Однако, скорее всего, это далеко не единственный источник, которым пользовался Вельтман.

Нами был найден близкий к сказке Вельтмана текст болгарской песни о споре солнца с юнаком (т. е. богатырем), где за победу юнака оно обещало ему в жены свою сестру (тезку героини сказки), притом в ряде вариантов сюжет развивается, как у Вельтмана, через похищение девушки. Приведем параллельно оригинал песни и перевод Ю. И. Смирнова:

Той не пое студна вода,
Ами пое мом Ангели
За ръчица, за десница,
Че я гуди на конче си,
Занеси я татък долу,
Татък долу бащин двори.
Юдговаре добър юнак:
— Хой те тебе, мой стар баща,
Мой стар баща, стара майко,
Ето я на вази снаха,
А пък тя на мене жена!

Он не взял студеную воду,
А взял девушку Ангели
За ручку за правую,
Посадил ее на своего коня,
Отвез ее туда в долину,
Туда в долину, в отчий дом.
Говорит добрый юнак:
— Гой еси, мой старый отец,
Мой старый отец, старая мать,
Вот она вам сноха,
А мне ведь она жена!

(вариант 3, пер. на русский
Ю. И. Смирнова)
[Смирнов 1974: 187]

Учитывая близость болгарского и сербского фольклора, а также то, что в Болгарии есть топоним Троян¹, можно осторожно согласиться с Беляевой относительно наличия у сказки Вельтмана южнославянских фольклорных источников, однако они еще нуждаются в уточнении и дополнении.

¹ Город получил название в честь римского императора Траяна благодаря проходившей через Болгарию римской магистрали Via Traiana, таким образом, упомянутое выше предположение Студитского о «Траяновой стезе» из «Слова о полку Игореве», вдохновившей Вельтмана, не так уж беспочвенно.

Сам тезис Беляевой о принадлежности сказки Вельтмана именно к сербскому фольклору основан на лексических маркерах: прежде всего, это сербские топонимы (гора Цер), лексемы, имена героев². Имя князя Моимира имеет исторический прототип, что позволяет нам условно назвать произведение Вельтмана исторической балладой³. Отчасти это действительно так, поскольку Вельтман по-своему переосмысляет традиционные для баллад образы, вводит мотив инцеста, рокового поступка и наказания за него и др.

Здесь сказывается верность Вельтмана эстетике романтизма. Баллада как жанр, вошедший в мировую литературу именно с легкой руки романтизма, стала удобной основой для создания авторских стилизаций под устное народное творчество. Тем самым именно лиро-эпический жанр баллады стал наиболее удобным для синтеза прозы и поэзии в сказке Вельтмана, усложняя ее. По А. Пенчевой, исторически являясь производной от жанра сказки, литературная баллада получает устойчивые жанровые черты: нарушение нормы, которое вызывает трагический конфликт, за которым следует наказание. При этом проблематика баллад имеет частный, семейный характер, а система персонажей специфична: в центре конфликта оказывается человек, которому грозит опасность от столкновения с иным, враждебным, демонологическим миром, при этом герои играют роли виновника, жертвы и исполнителя наказания. Для баллад характерна предельная лаконичность и скупость в выразительных приемах, а также стихотворная форма [см.: Пенчева 1995: 83].

«Троян и Ангелица» хорошо укладываются в приведенную схему, поскольку завязка сюжета строится на нарушении князем

² «В пользу предположения о ее сербском происхождении говорят: географические названия (гора Цер), имена собственные (Злата, Радун, Ница и др.), сербские слова (гавран, юнак, горский)» (перевод наш. — А. Б.) [Беляева 1980: 32].

³ Неслучайно в журналах за 1846 г. отзывы о «Трояне и Ангелице» соседствуют с публикацией отрывков из «Краледворской рукописи» в русском переводе Н. В. Берга и рецензиями на издание его полного перевода. Творения В. Ганки и Вельтмана объединяет стилизация под историческую балладу (жанр сам по себе пограничный, лиро-эпический).

Приведем первые строки черновика и беловика:

Черновик	Беловик
<p>Укоряет Месяц светлую Денницу: Где была-гуляла ты звезда-Денница? Где была-гуляла, где день проводила? Где ты проводила целых три дня белых? Отвечает Месяцу звезда Денница: Одна-одиненька время проводила Выше славного я города Белграда, Глядячи на чудо на большое: На дележ меж братьями наследья, Между Якшичами Дмитрьем и Бог- даном. [НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. I. П. 31. Ед. хр. 7: 1]</p>	<p>Вопрошает Месяц у звезды Денница: — Где была-гуляла, светлая Денница, Где была-гуляла, где дни проводила? — Далеко была я, молвила Денница, Была над Дунаем, над крутою Церой; Насмотрелась там я, надивилась диву. — Расскажи ж пожалуй, чему по- дивилась, Чему подивилась, чего насмотрелась? От какой печали бисерные слезки Падают на землю студеной росой? [Вельтман 1846: 5]</p>

Здесь уже формируется и сама стихотворная структура будущей сказки, имитирующая сербский народный 12-сложный стих с цезурой посередине (6 + 6) [см.: Гаспаров 2003: 195], правда, еще недостаточно урегулированный и сбивающийся на 10-сложник.

Оба приведенных выше черновика, являясь по сути двумя совершенно разными произведениями со своими фабулой, персонажами и стилем изложения, при сопоставлении с финальной версией сказки демонстрируют нам, как далеко Вельтман ушел от первоначальных замыслов, и убедительно доказывают жанровую двойственность «сказки» Вельтмана, проявлявшуюся еще на ранних этапах работы автора.

Несмотря на свой сербский колорит, сказка Вельтмана получила распространение на Балканах в болгарском переводе. Деятель болгарского Возрождения, просветитель и поэт С. Изворский в 1858 г. опубликовал свой перевод в только что открывшемся журнале Д. Мутева «Български книжици», выходявшем

баллады (в отличие от «фантастического» жанра сказки).

два раза в месяц с января 1858 г.⁹ Надо отметить, что текст был издан не полностью и охватывает только начало сказки. Интерес Изворского к Вельтману был вызван, по-видимому, успешным распространением в Болгарии двух переводов исторической повести «Райна, королева Болгарская», вышедших почти одновременно в Белграде и в Одессе четырьмя годами ранее¹⁰. Изворского, как преподавателя, мог привлечь дидактизм сказки, тем самым удовлетворявшей потребность молодой болгарской литературы в детской воспитательной литературе. Немаловажным на волне становления европейской фольклористики было пробуждение интереса самих болгар к славянскому фольклору, в том числе к собственному песенному. Знаменательно то, что после прекращения публикации перевода Изворского место «Трояна и Ангелицы» в литературной рубрике журнала займут именно народные болгарские песни из различных частных собраний. Сказка Вельтмана, несмотря на свои сербские «корни», обращала на себя внимание как раз своим общим южнославянским колоритом, близкими болгарским читателям образами и мотивами, чему служит подтверждением болгарская народная песня о споре юнака с Солнцем, которую мы приводили выше. Второй аргумент в пользу этой точки зрения — наличие топонима, благодаря которому болгары могли счесть, что действие сказки непосредственно связано с г. Троян, и «присвоить» сербскую легенду себе.

Свой перевод Изворский озаглавил «приказка», т. е. дал сочинению Вельтмана жанровое определение сказки. Поскольку произведение было значительно урезано при издании, композиционная структура, представшая перед читателями в переводе, совсем иная. Перевод завершается словами старика Обро о недуге Ангелицы, его предсказанием судьбы девочки (о том, что она сгорит от внутреннего жара и растает как облако), благодаря чему делается акцент на свершившемся наказании князя Моимира (уже сейчас, при рождении необычных детей, а не в будущем,

⁹ Перевод был помещен в трех номерах этого журнала: за вторую половину января и за обе половины февраля (кн. 1 и 2) [см.: Велтман 1858].

¹⁰ Второй из переводов, авторства Е. Мутевой, был переиздан в 1856 г.

когда исполнится предсказанный им конец), что усиливает дидактичность «сказки». Но тем самым сюжет у Изворского фактически сворачивается до баллады, и именно в рамках этого жанра следовало бы рассматривать изданную часть его перевода. Однако при всем желании переводчик не мог назвать итог своей работы балладой, поскольку «в Болгарии термин “баллада” появляется во второй половине XIX в. — и то, прежде всего, в учебниках по теории литературы» (перевод наш. — А. Б.) [Пенчева 1995: 76]. Тем не менее даже в усеченном виде в переводе прослеживается композиционное единство и идея. Правда, заглавие уже не вполне подходило, поскольку в оригинале предыстория рождения героев сказки считалась экспозицией по отношению к ее основному содержанию. В переводе Изворского экспозиция приобретает самостоятельное значение, главными героями оказываются родители Трояна и Ангелицы, князь Моимир и Николия. Сюжетная линия Трояна, старшего сына, успевает получить развитие в описании его детских лет, линия Ангелицы пресекается на приговоре старца Обро, т. е. в раннем младенчестве. И хотя вельтмановский фокус в заглавии на детей как на главных героев сказки остается, в результате наиболее сильным в композиционном и сюжетном отношении местом опубликованной в Болгарии части сказки является именно ее окончание, чем усиливается трагический пафос и его дидактическая трактовка.

Как уже отмечалось ранее, русские критики не приняли и не поняли метрику сказки. Однако переводчик смог уловить ритмику стиха и довольно точно передать ее на болгарском языке. Это по-прежнему цезурированный 12-сложник (6 + 6), но уже не с четким хореическим рисунком, как в сербском стихе, а с более расшатанным, тяготеющим к амфибрахию. Смена ритма у Изворского может осуществляться в рамках полустушия, отчего перевод оказывается пластичнее оригинала.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что Вельтман стремился к синтезу фольклорных жанров с литературной традицией и к сплаву традиционных эпических и лиро-эпических жанров, что является продолжением тех тенденций в русской

Беляева 1984 — *Беляева Ю. Д.* Сербские мотивы в русской литературе (А. Ф. Вельтман и В. А. Гиляровский) // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 327—343.

Вельтман 1846 — *Вельтман А. Ф.* Троян и Ангелица: Повесть, рассказанная светлой Денницей ясному Месяцу. М., 1846.

Гаспаров 2003 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003.

Кукольник 1846 — *Кукольник Н. В.* Библиография // Иллюстрация. 1846. 10 авг. Год 2. Т. 3. № 29 (65). С. 464—465.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Плетнев 1846 — *Плетнев П. А.* Новые сочинения // Современник. 1846. Год 11. Т. 43. № 9. С. 333—348.

Русские в Сербии 2009 — Русские в Сербии: взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века, русская эмиграция в Сербии, россияне в Сербии — последние 60 лет и сегодня. Белград, 2009.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: проблемы эволюции. М., 1974.

Студитский 1846 — *Студитский А. Е.* Русская библиография за март месяц // Москвитянин. 1846. № 4. С. 164—176.

Чёха 2012 — *Чёха О. В.* Солнце // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 101—106.

Беляева 1980 — *Беляева Ј.* Српски мотиви у руској књижевности прве половине XIX века // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза: прва половина XIX века. Нови сад: Матица Српска, 1980. С. 7—39.

Велтман 1858 — *Велтман А. Т.* Троян и Ангелица // Български книжици: Повременно списание на българската книжнина. 1858. Ч. 1. № 2. С. 64—66; № 3. С. 102—106; № 4. С. 133—136.

Караджич 1818 — *Караџић В. С.* Српски рјечник: истолкован немачким и латинским рјечма. Беч, 1818. Кол. 829—830.

Пенчева 1995 — *Пенчева А.* Баладата като проблем на генологията и генологичните проблеми на баладата // Български фолклор. Кн. 5, 1995. С. 70—85.

